

Интеллигенция и русская культура

САМОДЕРЖАВИЕ И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ*

И. П. САВИЦКИЙ

Русский абсолютизм, идущий от Петра I, и русская интеллигенция родились одновременно. Более того, эти явления программно переплетались, так как оба были слабы. Абсолютизм – со своими амбициями быть европейским фактором, что требовало хотя бы частичной реконструкции страны, и интеллигенция – из-за своей малочисленности и потерянности в недоверчивом, можно даже сказать, враждебном окружении. Вековая традиция изолированности от культурных центров Востока и Запада, которая после падения Византии для подавляющего большинства населения стала почти полной, выпестовала очень сильную неприязнь к передовым иностранным культурным влияниям.

Эта неприязнь наложила отпечаток как на планы по реконструкции России в духе Просвещения, так и на само «выживание» представителей нового слоя интеллигенции. Общая борьба объединила тогда царя и его ближайшее окружение с интеллигенцией. Петр спешил воспитать для своих целей способных и образованных офицеров, инженеров, дипломатов и чиновников, в то время как немногочисленные представители новых течений в тогдашнем фактически единственном образованном слое – духовенстве, пытались создать идеологическую систему для поддержки государя и использовать для его пропаганды единственный существующий в то время идеологический аппарат – церковь. Развитие отношения интеллигенции к государственной власти в последующие столетия – это почти никогда не прекращающаяся борьба между «государственной» традицией, укрепляемой рационалистскими, просвещенческими иллюзиями, и суровой реальностью полного отклонения абсолютизма от прогрессивных, а часто даже и всего лишь рациональных программ.

Противоречивость положения интеллигенции подпитывалась двойкостью исторических судеб абсолютизма.

Русский абсолютизм в своем современном великодержавном виде укрепился, на удивление, неожиданно быстро. Этого удалось достичь благодаря сосредоточению всех сил гигантской империи на ограниченное количество, прежде всего, внешнеполитических целей. Внутренние реформы были значительными, но по своей сути, опять-

* Статья была опубликована на чешском языке в журнале «Dějiny současnost» (Praha. 1969. № 6. P. 13 – 16).

таки прагматически направленными на производство пушек и ружей для армии, строительство дворцов для презентации. Интеллигенция начала постепенно осознать, что декларируемая абсолютизмом цель «всеобщего блага», если она вообще когда-либо мыслилась всерьез, отходит на задний план. Назрела необходимость иной формы правления. Однако поднять голос против правительства означало выступить против внешнеполитических успехов России, или же ослабить ее в кризисной ситуации в международных отношениях, иными словами, нанести ей пресловутый удар ножом в спину. Путь реформ, и тем более революционный путь означал переориентацию гигантских средств на множество новых задач, их рассредоточение, и таким образом – временное исключение России из круга европейских держав. Патриотизм специфического рода, метко названный Лениным «великодержавным шовинизмом», вступал в данном случае в противоречие с патриотизмом, я бы сказал, «научным», отличающимся стремлением к всестороннему развитию страны на разумных основах.

Сменить правление и при этом не поколебать великодержавный статус страны, представляемый интеллигенцией, которая в определенной мере является и его носителем, такую неразрешимую дилемму пытается решить целый ряд поколений русской интеллигенции. И хотя уже на ранних стадиях перед ней стоял пример Французской революции, которая вовсе не сделала Францию слабее, колебания продолжаются, особенно когда на этот опыт начинают наслаиваться уроки бонапартистского перерождения нового общества, поражений революционных попыток 20-х годов XIX века, как-то «ничем» кончающихся взрывов «весны народов»...

Эта ситуация, незавидная с психологической точки зрения, становится трагической, если принять во внимание расстановку сил, инструменты влияния и коммуникации между различными слоями населения и отдельными людьми.

Призыв к власти

К кому было обратиться интеллигенции, когда обнаружилось, что ее надежды остаются напрасными? Главным и самым естественным выходом казался ее бывший союзник, то есть сам абсолютизм, будь то в лице государя или же его приближенных. Так и поступила русская интеллигенция. Значительным шагом в этом направлении была полемика в сатирических журналах на переломе 60-х и 70-х лет XVIII века. Первый сатирический журнал, в рамках своих всесторонних реформаторских усилий, стала издавать Екатерина II, одновременно разрешив и издание других журналов этого жанра. Результат оказался неожиданным для императрицы. Разочарование после больших надежд, возлагаемых на дискуссии о крепостничестве в созданных для этого ведомствах и печати, а главное – отсутствие

результатов работы т<ак> н<азываемой> Уложенной комиссии, во многих отношениях сравнимой с французскими Генеральными Штатами, какими они были в 1789 году, — все это привело к вытрезвлению интеллигенции, и она, как только получила возможность, достаточно остро бросила «матушке-императрице» в лицо: вот твои слова, а вот — дела. Задуманное императрицей некое подобие нынешней невинной коммунальной сатиры не вышло. Журналы были запрещены, по сути дела, из-за капризности женщины, которой хотелось позабавиться невинной и остроумной игрой, но ее задумку, видите ли, напрочь испортили, и Екатерина распорядилась прекратить издание не только «оппозиционных», но и «правительственного» журнала. В этом смысле ее наследники никогда больше не допускали ошибки, сделанной императрицей.

Для нас, однако, остается важным то, что эти хлесткие, меткие советы и предупреждения правительству со стороны интеллигенции были предельно серьезны и являются первым публичным актом, открывающим длинную череду попыток русской интеллигенции апеллировать непосредственно к власти предрержащим. Принимая во внимание тот факт, что с той поры подобные неуместные диспутации в печати легально появляться не могли, они существовали в форме обычных или открытых писем, распространявшихся в многочисленных списках или печатавшихся за рубежом. Исключение составляет незабываемая апелляция Радищева (сейчас, как правило, ее не считают обращением к правительству, но я позволю себе утверждать, что в этом-то и был ее главный смысл), попытавшегося напечатать ее квази-легально, за что <он> и попал в Сибирь, где ему оставалось предаваться размышлениям о бессмертии души. Возможно, самым весомым из этих призывов является далее письмо Герцена Александру II. Человек с большим кругозором и опытом, непосредственно познавший не только русское, но и международное революционное движение, протягивает царю руку с предложением примирения. Салтыков-Щедрин, другой из наиболее значительных представителей оппозиционной интеллигенции, становится высоким чиновником, и т.п. В этих поступках много иллюзий, но еще больше безысходности. К кому иному обратиться? Кто иной может что-либо изменить в этой огромной, столь редконаселенной стране, части которой так мало связаны, в стране, где нет никаких организованных групп, объединенных личными интересами, в стране, где нет политической жизни, где лучшая политическая публицистика вынуждена издаваться в форме естественнонаучных статей, в связи с чем настоящие естественнонаучные статьи воспринимаются читателями, привыкшими читать между строк, как некие туманные и сумасбродные политические рассуждения?

Есть царь, и есть народ. Это две силы в России. Народ темный, но здоровый, способный к медленному, но весьма обнадеживающему и

органическому саморазвитию. И есть царь, призванный править, но он должен быть достоин своего народа. Такова идеология славянофилов, этих приверженцев «перманентной апелляции», сообщества в высшей степени лояльного к идее государственности, которое, тем не менее, вынуждено была печатать кое-что за границей. Это сообщество было заодно с верховной властью еще в одном вопросе. Оно соглашалось низвергнуть самое себя как интеллигенцию и раствориться в «народе». Это произошло в тот момент, когда абсолютизм уже понял, что по-настоящему образованные и думающие люди опасны для него, и место политики всестороннего развития системы образования занимает политика квот и преимущественного воспитания безопасных эрудитов и, насколько это возможно, полуобразованных техников.

Но и это согласие не спасло славянофилов от преследований¹. Дело в том, что они хотели слишком много. Хотели доверия. Доверия к тому, что народ хотя бы на самом низком уровне и в самых простых вещах может управлять сам. Но это неприемлемо для абсолютизма. Потому что если народ способен к самоуправлению, если всякая власть исходит снизу, то где же лежит та граница, где он остановится? Абсолютизму безразлично, что за люди держат в руках власть, безразлично и то, в большинстве случаев, как они пользуются властью и злоупотребляют ли ею. Ему важно одно: чтобы власть предоставлялась и отнималась сверху. Это и есть единственное и неотъемлемое право Государя, так как все остальное вытекает из него. Разумный правитель никогда не станет отягощать своих сатрапов излишними и слишком настоятельными обязанностями, он предоставит им достаточно свободы, лишь время от времени заноса над ними Дамоклов меч, — дабы напомнить о себе. Кто изберет «падение в ничто» (если не что-либо еще похуже) вместо карьеры? Кто откажется от власти, которую успел отведать, из-за одного лишь несогласия с постановлением, которое вдруг стало таким жестким? Для абсолютизма важно не устанавливать точные правила игры. Страх — вот что должно быть главным фактором. Чтобы никто не мог сказать: я делаю все так, как предписано, поэтому мне ничего не грозит.

Русская интеллигенция вскоре раскрыла эту уловку абсолютизма и обратила свои надежды к тем, в чьих руках была исполнительная власть: к дворянству как сословию, а позже — к чиновничеству. Возможно, первым был князь Щербатов, официальный историограф, шедший в стопах византийца Прокопия Кесарийского. Его памфлет «О повреждении нравов в России» кое-чем напоминает *Historia Arcana*. Речь идет о разоблачении фаворитизма и своеволия в верхах русского общества при Екатерине Великой. Но этот памфлет следует рассматривать одновременно с утопией Щербатова. Щербатовским идеалом является «ordentlicher Polizeistaat», как выразился один современный английский исследователь. И это, в самом деле, есть то минимальное

требование русской интеллигенции, которое снова во всей полноте появится почти столетие спустя, в период реформ, опять в кругах, граничащих между интеллигенцией, дворянством и чиновничеством, иными словами, в кругах «активистской» и «реалистичной» интеллигенции, которая понимает, что при данном положении вещей нельзя требовать ни абсолютной свободы, ни слишком далеко идущих социальных и экономических реформ. Это борьба за замену сатрапии нормальной бюрократической системой, работающей на основе формальных, пускай несовершенных, но точно обозначенных правил, и гарантирующей определенную свободу действий и правовую уверенность внутри небольшого ограниченного пространства.

Начиная с разочарованного Щербатова, скорее философствующего, чем действующего, эту линию следует вести через Сперанского, через деятелей Приуготовительной комиссии по проведению крестьянской реформы 1861 года, в частности, братьев Милютиных, к группе Лорис-Меликова — Абаза на переломе 70-х — 80-х гг. Это течение в интеллигенции, стремящееся ограничить и улучшить абсолютизм посредством организации его собственного аппарата в жесткой бюрократической форме, бесспорно, достигло самых крупных практических успехов в XIX веке. К концу столетия в России удалось добиться создания настолько хорошо функционирующего правового порядка, что стало действительно затруднительно лишать людей возможностей существования или даже жизни иначе, чем предусматривал закон. Вердикты суда присяжных были для правительства довольно часто крайне неприятны. Бюрократизация, то есть стремление придерживаться буквы закона, чем руководствовались самые разные органы, по крайней мере, в самых важных делах, которые могли быть вынесены на суд присяжных, несомненно, имела положительное влияние. Но сущность системы изменить не могла. Наоборот, данное положение только петрофицировала. Бюрократический аппарат даже востребовал научную обработку данных для своей деятельности — среди экспертов появились и люди формата Менделеева, — к его начинаниям следует отнести первую, и в царской России последнюю, перепись населения, однако бюрократический аппарат не умел ни вовремя усвоить эти данные, ни, тем более, гибко их использовать. «Стандартное полицейское государство» могло даже выступать в роли защитника свобод, однако выполнять функцию двигателя прогресса ему не было суждено. Бюрократизация абсолютизма, однако, сыграла для революции благоприятную роль и в другом направлении. Формализованный и отчасти обособленный аппарат сначала без возражений принял Февральскую революцию, а когда в Октябре все же воспротивился, сопротивление это было пассивным и малоэффективным.

Прежде чем перейти к другим течениям среди интеллигенции, упомянем еще об одной характерной детали, касающейся «реалистов».

Собственно, самые известные из них ставили перед собой совсем иные задачи. Типичным в этом смысле является пример Сперанского. В молодости – он автор обширного конституционного проекта, человек, для которого, судя по всему, не были чужды и республиканские идеи. Из этого периода самое долговременное значение получило только проведение в жизнь требования высшего образования для определенных должностей бюрократической иерархии (1809). Ничего более Сперанский осуществить не смог, несмотря на то, что был другом царя. Потом он впал в немилость, последовали ссылка и медленное повторное продвижение по провинциальной должностной лестнице. В 1825 году он уже представитель абсолютизма, автор апологетической брошюры об уродливых «военных поселениях» Аракчеева. Но все же именно это сочинение ставит под сомнение искренность декларируемого Сперанским восхищения абсолютизмом. Так или иначе, как раз в эти годы им была выполнена работа, имеющая длительный и заслуживающий похвалы характер, то есть реорганизация управления Сибири и, прежде всего, систематизация законов и их составление в Свод законов, что, несомненно, стало основой правового порядка последующих десятилетий.

Противоположным примером является Лорис-Меликов, генерал, выдвинутый в критический момент на административный участок для осуществления политики твердой руки. Сам он представителем «интеллигенции» в прямом смысле этого слова не был. В период своей «диктатуры сердца» он все же попытался глубже овладеть проблематикой, сблизился с интеллигенцией и в значительной степени воспользовался наработанными ею идеями. Первым шагом Лорис-Меликова после того, как ситуация немного успокоилась, была отмена его личных и других чрезвычайных полномочий и декларирование силы обычного права в полном его объеме. Однако с его стороны это был шаг в направлении далеко идущей реформы, целью которой была постепенная ликвидация абсолютизма. Не получилось. После убийства Александра II человеком № 1 нового правителя стал самый ярый противник Лорис-Меликова, фанатический апологет абсолютизма Победоносцев.

Поиск иных путей

Неуспех апеллирования к власти и весьма ограниченные и неперспективные достижения, созданные благодаря ограничению абсолютизма посредством бюрократизации, а значит, и «автоматизации» его собственного аппарата, вели к поиску иных путей.

Группы интеллигенции сначала попытались использовать свое собственное влияние, прежде всего, своих позиций в офицерском корпусе. После ряда неудачных попыток, наконец, после 1820 года создается сильная и сравнительно хорошо действующая организация, которая в декабре 1825 года, в чрезвычайно благоприятных условиях

междоусобицы, подняла восстание. В нем участвуют воинские части в Петербурге и на Украине, но оба центра были невероятно быстро подавлены. Не иначе заканчиваются и другие попытки военных восстаний, раскрытых еще раньше, чем заговорщики принялись за дело. Этот опыт, обобщенный к концу века, вел к заключению, что большую и боеспособную армию современного государства нельзя использовать для заговора. Армия может присоединиться к революции, но не может быть фактором, который ее вызовет.

Таким образом, неудачным оказался и третий путь, путь использования силовых позиций правящего сословия. Оставалось взывать к народу. Чем оторваннее от «народа» были представители интеллигенции, тем большие иллюзии о нем имели. В XVIII веке были еще слишком живы традиции совместной борьбы интеллигенции и абсолютизма против консервативного народа, его пассивного и активного сопротивления, иногда принимающего жестокие формы массового самоожжения, чтобы какая-либо часть интеллигенции всерьез попыталась бы слиться с движениями типа пугачевского восстания. Первая половина XIX века создала романтическое представление мудрого и чистого «народа», представление, которое постепенно разрасталось вплоть до вопроса, поставленного Толстым: кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?

Промежуточной ступенью в этом идеализированном восприятии народа было одно из самых блестящих своей жертвенностью и непатетичностью начинаний русской интеллигенции — «хождение в народ». Охваченные энтузиазмом студенты естественных наук и подающие надежды литераторы, девицы «благородного происхождения», в том числе из старых дворянских родов, недоучившиеся семинаристы, заменившие библию Дарвином, переодевались в одежду простолудинов, а некоторые даже не переодеваясь, шли учителями в глухие деревенские начальные школы, становились ветеринарами и землемерами, общинными писарями или деревенскими «механиками». Занимая эти должности, они намеревались распространять просвещение и одновременно пропагандировать революцию. Но просвещение не находило радостного отклика в народе, а многих молодых глашатаев революции за благо народа, тот самый народ волок в ближайший жандармский участок. Самоотверженный труд нескольких сотен молодых энтузиастов не мог поколебать «идиотизм деревенской жизни». Надо признать, что для большинства из них арест был наилучшим выходом. Им не пришлось решать сложную дилемму: бросить добровольно взваленную на себя тяжелую работу и трусливо сбежать, или остаться и почти впустую растрчивать свои силы, пока сам не погрязнешь в пьянстве. С другой стороны, процессы с «народниками» проходили с большой оглаской и приносили большой эффект, потому что о них узнавали и за ними следили те, кто уже немного созрел для революции. Приговоры

выносились в своем большинстве не слишком строгие — самым распространенным была ссылка. Как правило, осуждались целые группы, которые затем в ссылке (так же, как до этого в тюрьмах) создавали специфическую, но в целом благоприятную и плодотворную среду для теоретической и практической работы².

Так потерпели крах иллюзии о возможности контакта с крестьянством. Одна группа «народников» попыталась достичь своей цели террором. Тем самым преследовались две задачи: запугать и дезорганизовать правящий класс и одновременно воодушевить все недовольные элементы в стране. Террор значительного масштаба должен был привести к анархии, а из нее должно была взойти новое общество. Однако реакции различных социальных слоев были иными, чем ожидалось. На отдельные случаи они отзывались по-разному. Шкала реакций была широкой: от ожидаемой паники и вдохновляющей поддержки вплоть до консолидации правящего класса для своей защиты, а также, как ни удивительно, до возмущения тех слоев, которые довольно часто революционную деятельность одобряли. Единственное, чего террором не удалось достичь (причем даже в период революции 1905 — 1907 гг.), это спровоцировать стихийное выступление против правительства, что, собственно, было его главной целью.

Вторая группа «народников» выбрала другой путь: перестав слепо верить в «народ» вообще, она начала изучать отдельные классы и слои и налаживать связь с самыми передовыми из них, прежде всего, с рабочим классом. Но это уже другая и очень сложная глава российской, а по своим последствиям и мировой истории.

Если посмотреть ныне на многолетнюю борьбу русской интеллигенции против абсолютизма, то видно, что она избирала самые разнообразные пути. Один из них проявил себя как полностью непродуктивный — речь о непосредственном апеллировании к верховной власти. С виду всемогущий правитель, даже если бы захотел, а это, видимо, является одним из тяжелейших человеческих решений, не может отменить свое всемогущество. Абсолютизм — это многоступенчатая система. И сатрапы не позволят своей главе отречься от власти, чтобы не лишиться своей собственной. Ограничение власти этих маленьких «монархов», возможное до определенной степени, однако подрывает сами основы абсолютизма. В то же время оно как бы замораживает данное состояние и не позволяет, чтобы развитие шло иными путями. Это вынужденное решение. Итак, действия интеллигенции способны иногда внести луч света в темное царство, но они не могут быть решающим фактором изменения. Еще более примечательным является вывод, что даже общая цель интеллигенции и других слоев населения не содержит в себе реального шанса на успех. К цели обычно ведет столько путей, что группы, вроде бы идущие к одной и той же цели, довольно часто попутно ожесточенно подавляют

друг друга. Русской интеллигенции пришлось ждать того времени, когда сложатся слои, которые не имея с ней общей цели – цель может определиться и определилась постепенно, – будут иметь с ней общий язык. Преодоление примитивизма, с одной стороны, и снобизма, с другой, способность и желание договориться – все это, наконец, открыло дорогу революции. Таким образом, не остается ничего другого, как от мысли Фауста, что вначале было дело, вернуться к библейской правде, что вначале было слово.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Надо сказать, преследования сравнительно сносные. Следует помнить, что XIX век еще не изобрел концлагеря, газовые камеры и т.п. Исследователи довольно часто впадают в две крайности: или предлагают нынешнему читателю современные жалобы на жестокий гнет, вызывая тем самым неправильные представления, потому что тогдашнее преследование нам, имеющим опыт XX века, может иногда казаться отдыхом, или, наоборот, рисуют его с нынешней точки зрения, то есть почти как отдых, не отдавая себе отчета, что психологически современники воспринимали это совсем иначе.

² Мы уже упоминали о философском трактате Радищева, написанном им в сибирской ссылке; через сто лет в подобных условиях Ленин создает свой самый крупный труд – «Развитие капитализма в России». В изгнании родились выдающиеся произведения декабристов и Достоевского, им, однако, пришлось пройти несравненно более жестокими условиями «мертвых домов» и каторги. Достойные внимания работы сибирского отделения Географического общества, по большей части, – это произведения, написанные ссыльными. Судя по всему, даже тюрьмы не были таким уж плохим местом для работы. Много трудов в них написал Чернышевский. А Писареву даже было позволено печатать написанные им труды на том основании, что мать его зависит от заработков автора!

Аннотация

В статье прослеживается история борьбы русской интеллигенции против абсолютизма, рассматриваются выбираемые ею на разных этапах истории России пути сопротивления верховной власти, способы влияния на действия ее бюрократического аппарата. Эта история борьбы, по мнению автора, свидетельствует о том, что действия интеллигенции могут улучшить ситуацию, но не могут быть решающим фактором ее изменения.

Ключевые слова: абсолютизм, бюрократический аппарат, власть, интеллигенция, просвещение, критика, оппозиция, реформы, народ, народничество.

Summary

This article traces the history of the struggle against the autocracy of the Russian intelligentsia, it discusses selected at different stages of the history of Russia the way the resistance of the supreme power, ways to influence the actions of its bureaucracy. This story of struggle, according to the author, suggests that the actions of the intelligentsia can improve the situation, but can not be the deciding factor of change.

Keywords: absolutism, bureaucracy, power, intelligence, education, criticism, opposition, reform, people, populism.